

Снаружи Вэй Ху вскипятил котёл горячей воды. Этого человека сейчас всё равно не удастся отправить прочь, а до зимы уже рукой подать: в доме прибавился ещё один жилец, а значит, дров точно не хватит. Когда выдастся свободное время, нужно будет сходить в горы и нарубить ещё.

Глядя на окончательно почерневшее небо, Вэй Ху с досадой нахмурился. Мать даже не подумала прибраться в соседней комнате — ясно, она с самого начала решила, что им двоим придётся спать в одной.

Вскипятив воду, Вэй Ху взял деревянный таз и вошёл в комнату.

«Ты... будешь мыть ноги?»

Человек на кровати вздрогнул. Вэй Ху поднял глаза — и едва сам не споткнулся, поспешно удержал равновесие, чтобы не уронить таз на пол.

На кровати, посреди одеяла, сидел худенький гер, одежда на нём была наполовину расстёгнута. Пусть слабый огонёк лампы и освещал комнату не слишком ясно, охотнику Вэй Ху хватило одного взгляда, чтобы всё отчётливо увидеть.

Распущенные волосы спадали на плечи, обнажая белую, чистую спину. Не то от холода, не то от испуга, стоило Вэй Ху заговорить, как он вздрогнул.

Вэй Ху поспешно опустил взгляд и поставил таз. Он шагнул вперед и накрыл одеялом Сун Нина, сидевшего на нем. Такое резкое движение чуть не сбросило его с кровати, и он так сильно испугался, что громко вскрикнул.

К счастью, охотник оказался сильным: ухватившись за его руку, Сун Нин кое-как удержал равновесие. Но Вэй Ху тут же отдернул руку, будто его ошпарило.

Это движение, словно от змеи или ядовитого насекомого, заставило глаза Сун Нина щипать. Он втянул носом воздух и тихо спросил:

«Я тебе... не понравился?»

«Нет! То есть... не так!» - Вэй Ху от этих слов и закивал, и замотал головой одновременно — как ни ответь, всё выходило неправильно. «Я не это имел в виду. Это... это моя мать тебя заставила?»

«Нет. Я сам так решил» - прошептал Сун Нин, прикусив губу. Он не хотел возвращаться в дом семьи Сун: мачеха раньше уже собиралась отдать его старику в наложницы.

Вэй Ху опустил голову и пододвинул таз поближе.

«Я... принёс тебе воду. Чтобы ноги помыть».

Сун Нин тихо поблагодарил. Он высунул ноги из-под одеяла и опустил их в деревянный таз. Вода оказалась чуть горячей — именно такой, как он любил. Стоило ногам погрузиться в неё, и сразу стало необыкновенно приятно.

За этот день Сун Нин натерпелся страха, а только что ещё и с трудом переборол стыд, раздеваясь. Теперь же тёплая вода обволакивала ступни, и это тепло, словно по ниточке, тянулось от пальцев прямо к сердцу. А заметив, что мужчина стоит, опустив голову, не

решаясь на него взглянуть, Сун Нин вдруг подумал, что, возможно, именно этот высокий и крепкий человек сейчас боится куда больше него самого.

От этой мысли ему неожиданно захотелось улыбнуться. Он заметно расслабился и даже слегка шевельнул ногой, плеснув тёплой водой.

Мужчина, услышав плеск, чуть приподнял голову:

«Вода остыла? Я сейчас принесу ещё горячей».

«Да нет, я...»

Сун Нин не успел договорить, как Вэй Ху уже торопливо вышел наружу за горячей водой. Даже Сун Нин растерялся: этот охотник выглядел таким высоким и крепким, а вёл себя так, словно перед ним было нечто вроде наводнения или дикого зверя.

Накануне свадьбы бабушка Чжан сказала ему: возможно, выйти за охотника с дурной славой куда лучше, чем за дряхлого старика лет семидесяти-восемидесяти. Пусть деревенская жизнь и тяжела, но если удаётся быть сытым и одетым — это уже неплохо. А если муж к тому же будет заботливым и внимательным — так и вовсе счастье.

Сейчас Сун Нин уже не чувствовал прежнего страха. Напротив, охотник начинал казаться ему хорошим человеком. Вернувшись сегодня домой и увидев его, он всё время держался на расстоянии, явно стараясь избегать неловкости.

Пока Сун Нин предавался мыслям, мужчина уже вернулся с тыквенным ковшом. Он присел на корточки и стал подливать в таз горячую воду.

«Не обжигает?»

«Самое то. Спасибо тебе».

Долив воды, Вэй Ху снова сел на табурет напротив. Судя по виду, ему хотелось бы отодвинуться от Сун Нина как минимум на восемь чжанов — так, что в этой комнате чужаком выглядел скорее он сам.

Вэй Ху слегка опустил голову, не решаясь взглянуть на Сун Нина.

«Я знаю, ты не по своей воле. Не беспокойся, поживи здесь спокойно, а потом я обязательно устрою тебе в другое место. Я не дам тебя обидеть».

Белые ступни Сун Нина распарились и покраснели.

Слушая слова мужчины, он так смутился, что пальцы ног невольно поджались. Тихо-тихо он сказал:

«Я... я по своей воле».

Но мужчина, будто не услышав, продолжил:

«Я, Вэй Ху, человек грубый, неграмотный, ни одного иероглифа не знаю. Кроме силы, у меня больше ничего нет. Ты — гер из богатой семьи, со мной ты будешь только мучиться. У меня судьба — губить жён. Я не могу тебя погубить. Не бойся, я к тебе не притронусь».

Когда Сун Нин увидел Вэй Ху впервые, тот показался ему похожим на гору — таким грозным, что даже деревенские ребятишки у ворот врассыпную разбежались. А сейчас мужчина, ссутулившись, сидел на низеньком табурете, и Сун Нину было уже не так страшно. Напротив — он вдруг почувствовал, что этот человек по-своему даже смешной.

Выслушав весь этот сбивчивый поток слов, Сун Нин понял: похоже, мужчина нервничает сильнее него самого. Разве он не охотник? В горах полно волков, тигров и леопардов — диких зверей он не боится, а перед ним, худым и слабым гером, смущается?

Пока мужчина не осмеливался поднять взгляд, Сун Нин украдкой посмотрел на него несколько раз. Глуповатый... с виду грозный, а внутри — мягкий.

Покраснев, Сун Нин тихо сказал:

«Ты... ты мой муж. Впредь я... я буду жить с тобой по-настоящему. Я не боюсь».

Слово "муж" сорвалось само собой. Сун Нин от стыда так и не осмелился поднять голову — румянец поднялся от щиколоток прямо к лицу.

Хотя он говорил почти шёпотом, в комнате были только они двое, и Вэй Ху расслышал всё до последнего слова. А это "муж" и вовсе заставило его сердце сбиться с ритма — он на миг совсем растерялся, не зная, куда деть руки и ноги.

«Ты... ты не называй меня так».

«Я не называю тебя неправильно».

Сун Нин поднял ноги из таза. Услышав плеск воды, мужчина поспешно подал ему слегка поношенное полотенце.

«Ты... не брезгуй. Завтра я свожу тебя купить новое. Это... это моё, я им лицо вытираю, пока пусть тебе послужит».

«Спасибо».

Вэй Ху снова опустил голову, взял таз с водой и вышел из комнаты. Стояла поздняя осень — стоило открыть дверь, как навстречу ударил холодный воздух. Лишь выйдя наружу, Вэй Ху наконец перевёл дух: он и правда не знал, как быть с этим маленьким гером.

Раз уж тот переступил порог его дома, даже если между ними ничего нет — всё равно уже что-то есть. А если потом гер уйдёт из его дома, как это объяснить людям?

Он вылил воду во дворе и подошёл к восточной, чуть меньшей соломенной хижине и постучал:

«Ма, ма! Где то старое одеяло из моей комнаты?»

В восточной комнате свет уже был погашен.

«Я же оставила тебе новое. До настоящей зимы ещё далеко. Завтра разберу и постираю — к холодам пригодится. Не шуми, я спать ложусь.»

Сун Нин в главной комнате слышал весь разговор от начала до конца. Он, конечно, понимал, зачем свекровь убрала старое одеяло — теперь на кровати осталось только это, новое.

Сун Нин снял верхнюю одежду, оставшись лишь в нательной рубашке, и юркнул под одеяло. Новое стёганое одеяло оказалось пышным и тёплым. Последние дни он почти не спал, и теперь, укрывшись в этом тепле, постепенно начал клониться ко сну.

Он изо всех сил боролся со сном и не закрывал глаза. Мужчина ушёл уже давно и всё не возвращался — всё из-за него, из-за Сун Нина, тому теперь негде спать.

Он ждал довольно долго, пока у ног не послышалось тихое шуршание. Сун Нин чуть высунул голову из-под одеяла и увидел, как мужчина роется в большом деревянном сундуке у изножья кровати, держа в руках зимнюю ватную куртку.

«Поднимайся, и ложись спать здесь» - тихо сказал Сун Нин.

Вэй Ху от неожиданного голоса вздрогнул и на мгновение замер — он был уверен, что Сун Нин уже уснул.

«Ничего страшного. Я накину куртку и посплю в зале. Ты спи».

Сун Нин знал: в зале, кроме стола да табуретов, ничего нет — как там вообще спать? К тому же зима уже близко, по ночам холодно до дрожи; даже в тонкой одежде зябко, а через пару дней уже придётся надевать стёганые куртки. Если простудишься — что тогда делать?

Видя, что мужчина не собирается ложиться на кровать, Сун Нин тоже сел.

«Прости. Это из-за меня тебе негде спать. Я пойду наружу».

С этими словами он уже хотел спуститься, но Вэй Ху поспешно прижал одеяло.

«Не глупи! Там же холодно!»

Голос Вэй Ху прозвучал резковато, и глаза Сун Нина тут же налились слезами. Они стояли так близко, что Вэй Ху всё прекрасно видел. Он тут же выпрямился, словно провинившийся, и растерянно замялся:

«Я... я не хотел на тебя кричать».

Сун Нин втянул носом воздух.

«Я... я знаю. Ложись, пожалуйста. Иначе мне будет беспокойно».

Теперь у Вэй Ху голова шла кругом: одной матери ему хватало за глаза, а теперь прибавился ещё и он...

Сун Нин сидел, распустив волосы; в тусклом свете масляной лампы он казался ещё более хрупким и незащищённым. Вэй Ху с досадой потёр затылок.

«Если мы будем спать на одной кровати, потом, даже если ты будешь невинным, ничего уже не объяснишь!»

«Я и так твой фулан» - тихо сказал Сун Нин.

Голос у него был совсем тихим, Вэй Ху едва расслышал.

«Даже зная, что я — с дурной судьбой, гублю жён, ты всё равно согласен?»

Маленький гер кивнул.

Вэй Ху тяжело вздохнул — выхода не было. Судя по всему, если он не ляжет, этот гер и сам не уснёт. От одной этой мысли у него разболелась голова.

«Ладно... я лягу».

Только тогда Сун Нин послушно улёгся. Вэй Ху лёг, не раздеваясь, осторожно прижимаясь к самому краю кровати, накрылся уголком одеяла.

Сун Нина уже начинало клонить в сон, но рядом теперь лежал человек, и он боялся лишний раз пошевелиться. В конце концов, он уже вышел замуж — этот мужчина теперь его муж. Если не считать бабушки Чжан, давно уже никто не проявлял к нему такой заботы.

«Сними верхнюю одежду» - тихо сказал он.

«Что?»

Сун Нин говорил слишком тихо, и Вэй Ху не расслышал.

«Сними верхнюю одежду».

«Ничего» - ответил Вэй Ху. «Мне так спать привычнее».

«Грязно...»

На этот раз Вэй Ху расслышал отчётливо. Ему ничего не оставалось, как сесть и снять с себя грубую короткую куртку.

Этот юноша был избалован с детства; по словам его матери, даже если ему и приходилось переживать трудности, то недолго. Он, грубый человек, никак не мог запятнать этого драгоценного юношу.

Между ними на кровати ещё свободно уместился бы третий. Сун Нин лежал вытянувшись, одной рукой сжимая угол одеяла. Сказать, что он не нервничал, было бы неправдой.

Вэй Ху же и вовсе не смел пошевелиться. Рядом лежал гер — о каком сне тут можно было говорить? Лёг — словно угодил в кусты, полные колючек.

Он тихо прокашлялся и, понизив голос, сказал:

«Ты ведь знаешь, какая у меня судьба. Я гублю жён. Если будешь со мной — только себе навредишь. Две... уже умерли».

«Я не боюсь».

«Почему ты такой глупый... Я знаю, ты пришёл сюда потому, что дома тебе больше некуда было деваться. Я просто буду тебя защищать, вот и всё».

«Нет».

«Не переживай. Я буду относиться к тебе как к родному младшему брату, никому не дам тебя обидеть. А когда потом встретишь того, кто тебе по сердцу...»

«Мы спим на одной кровати».

Даже если между ним и этим мужчиной ничего нет, в глазах других это "что-то" уже есть. Было видно, что мужчина добрый, и Сун Нин, окончательно перестав бояться, постепенно расслабился. Веки слипались, и он очень скоро уснул.

Вэй Ху хотел сказать ещё что-то, но услышал рядом тихое, ровное дыхание. Он чуть повернул голову, а гер уже спал, сам не заметив, когда погрузился в сон.

Гер слегка поджал тонкие губы; при каждом вдохе его длинные ресницы едва заметно вздрагивали. Он казался слишком худым, а на лице проступала тень усталости. Вэй Ху поспешно отвёл взгляд.

В душе он тяжело вздохнул.

Вот уж его мать всё устроила... Сун Нин был прав: теперь, даже если между ними на самом деле ничего нет, для людей это "что-то" уже существует. Вся деревня знает — этот гер теперь его фулан. От одной этой мысли у Вэй Ху разболелась голова: что за напасть — один и другой, и ни один не хочет его слушать!

<http://bllate.org/book/15163/1342463>